

Фридрих Шпильгаген

Два поколения

Часть 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф88

Ф88 **Фридрих Шпильгаген**
Два поколения: Часть 1-2 / Фридрих Шпильгаген – М.: Книга по Требованию,
2014. – 472 с.

ISBN 978-5-518-07600-6

ISBN 978-5-518-07600-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

— Чортъ тебя побери, проклятое животное! Сто разъ тебѣ говорить надо, чтобъ меня не будить когда я сплю!

— Я было думалъ, ваше превосходительство...

— Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты не смѣлъ думать; что это мое дѣло? Съ чѣмъ ты тамъ еще ко мнѣ лѣзешь?

— Съ письмомъ, отвѣчалъ довольно грубо слуга и поставилъ подносъ съ письмомъ на столикъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кресла, въ которомъ сидѣлъ генералъ, а самъ повернулся спиною, чтобы уйти.

— Да что ты, болванъ, никакъ совсѣмъ рехнулся, закричалъ старикъ; и на высококомъ обнаженномъ челѣ его выступила алая краска гнѣва. — Руки, что ли, у тебя отвалятся подать письмо сюда, къ моему креслу?

— Чтобъ ваше превосходительство, опять меня отподчивали палкой по ногамъ? У меня еще и послѣ вчерашняго дня кости болятъ, — пробормоталъ слуга и, не оглядываясь, поспѣшилъ убраться изъ комнаты.

Не успѣлъ онъ затворить за собою дверь, какъ что-то тяжелое загрохотало ему вслѣдъ. То была скамейка, на которой покоились ноги подагрика-генерала, пущенная старикомъ съ такою силою и ловкостью, какой нельзя было и ожидать отъ дряхлаго инвалида; скамейка однако не попала въ голову неподатливаго слуги и ударилась о дверной косякъ, а генералъ, раздраженный этимъ промахомъ, разразился страшнымъ градомъ ругательствъ и проклятій. Маленькіе, черные глаза его засверкали, какъ молніи, изъ-подъ косматыхъ, судорожно прыгавшихъ бровей; синія жилы на вискахъ надулись и въ эту минуту его можно было принять за бѣвную-

щогося маниака, которому еще не успѣли надѣть сумасшедшую рубашку.

Но въ эту самую минуту отворилась дверь и въ комнату вошла быстрыми шагами толстая, приземистая женщина; она направилась къ единственному изъ четырехъ оконъ, которое оставалось незавѣшеннымъ, спустила на немъ стору и, когда въ комнатѣ распространился зеленый полумракъ, подошла къ генералу, все еще продолжавшему бѣсноваться, остановилась противъ него, подбоченилась обѣими руками и закричала, притопывая лѣвою ногою:

— Это что такое? Это что такое? Да будетъ ли этому конецъ? Или вы намѣрены цѣлый день бѣсноваться!

Появленіе этой женщины, повидимому, только усилило бѣшенство генерала. Можно было подумать, что злобный взглядъ ея острѣхъ, зеленыхъ глазъ разбудилъ всѣхъ дремавшихъ въ немъ чертей. Онъ схватился длинными, худыми пальцами за ручки кресла, затрясъ ихъ, подобно хищному звѣрю, силищемуся проломить желѣзные перегородки своей кѣтки и издавалъ какіе-то раздражающіе, визгливые звуки, изъ которыхъ только и можно было понять слова: „вѣдьма, сатана, змѣя подколотная!“

— Цыцъ, цыцъ, сейчасъ замолчать! крикнула его собесѣдница и въ ту самую минуту, какъ старикъ замахнулся на нее тяжелымъ костылемъ, стоявшимъ возлѣ самаго его кресла, она однимъ прыжкомъ очутилась позади старика, схватила его за черный шелковый галстукъ военного покроя, который и безъ того уже довольно туго обхватывалъ непомятно длинную и сухую шею, и рванула за него съ такою силой, что у старика глаза чуть не выскочили изъ лба и онъ простоналъ задыхающимся голосомъ:

— Пусти же, Бригита, пусти!

— Образумитесь вы, или нѣтъ? продолжала та, скручивая галстукъ еще крѣпче.

— Да, да, влянусь тебѣ именовъ всѣхъ чертей, промчалъ старикъ.

Бригита выпустила галстукъ изъ рукъ, и обезсилившій старикъ опустился въ кресло. Взрывъ гнѣва миновался и дряблые, изсохшіе мускулы, да блѣдное, осунувшееся, жорщинистое лицо показывали, что генераль доставляетъ себѣ удовольствіе приходить въ бѣшенство и колотить прислугу не иначе, какъ въ ущербъ послѣд-

нимъ остаткамъ своей физической силы, которая и безъ того была почти вся изыскана имъ втеченіе долгой, безпутной жизни.

Сцены, подобныя вышеописанной, не разъ повторялись впродолженіе тѣхъ двадцати лѣтъ, въ которыя госпожа Бригита Гимальгансъ, жена чудака школьнаго учителя, проживавшаго въ деревнѣ, держала въ рукахъ своихъ бразды правленія въ замкѣ; но никогда еще онѣ не были такъ часты, какъ въ послѣднее время, когда лѣта и подагра ужъ слишкомъ стали одолѣвать генерала. Никто, кромѣ Бригиты, не обладалъ искусствомъ укрощать бѣсновавшагося старика. Люди суевѣрные утверждали, что въ этомъ помогаетъ ей самъ нечистый, которому она давно запродала свою душу. Другіе, менѣе склонные къ вѣрѣ въ чудеса, были того мнѣнія, что тутъ дѣло обходится безъ всякаго вмѣшательства нечистой силы, и что всякій, у кого достало бы смѣлости поколотить генерала, какъ колачивала его по ночамъ или при оцущенныхъ стогахъ и закрытыхъ дверяхъ, Бригита, — могъ бы точно также съ нимъ справиться. Но ни тѣ, ни другіе не знали настоящей причины, заставлявшей властолюбиваго и крутого генерала свосить такую тиранію.

— А ужъ вспѣть тебѣ рано или поздно на висѣлицѣ за смертоубійство, проговорилъ старикъ, послѣ паузы, во время которой онъ понемногу приходилъ въ себя, между тѣмъ какъ Бригита, какъ ни въ чемъ не бывало, поднимала шторы, отворяла балконную дверь, черезъ которую проникли въ комнату свѣтъ и тепло весенняго вечера, и ставила на прежнее мѣсто скамейку, валяющуюся до сихъ поръ у двери. — Помяни мое слово, не миновать тебѣ висѣлицы.

— Еще неизвѣстно кто изъ насъ прежде попадетъ на висѣлицу. Или вы думаете, что кое-чья могила давно ужъ поросла травой, такъ и слѣда не отыщутъ? проговорила Бригита съ невозмутимымъ спокойствіемъ, ловко и заботливо укутывая фланелью ноги старика и укладывая ихъ на скамейку.

— Полно, полно, Бригитушка, заговорилъ старикъ, теребя ее за чепецъ и осклабяясь, при чемъ его безобразное лицо становилось еще безобразнѣе. — Ты у меня баба умная и будешь держать языкъ за зубами; а я тебя не забуду въ своемъ завѣщаніи.

— Не повѣрю я вамъ, пока своими глазами не увижу завѣ-

щанія, отвѣчала экономка, вставая и поправляя свой чепецъ. — Вотъ ужъ десять лѣтъ какъ ваше превосходительство, что ни день, то собираетесь писать завѣщаніе. Отчего вы его не напишете?

— А оттого, Бригитушка, что я до сихъ поръ еще не придумалъ, какъ бы мнѣ его написать такъ, чтобы насолить всѣмъ моимъ дражайшимъ родственникамъ, всѣмъ, понимаешь ли, всѣмъ безъ изъятія, да хорошенько насолить.

— Откажите все мнѣ, вотъ вы имъ и насолите, да еще какъ! сухо проговорила Бригита.

Отвѣтъ этотъ показался старику до того забавнымъ, что онъ залился дребезжащимъ хохотомъ, который перешелъ въ сильный припадокъ кашля, чуть не задушившій его. Чтобы помочь ему, Бригита принялась колотить его кулакомъ по спинѣ.

— Нечего смѣяться, ворчала она, — я говорю вовсе не шутя.

Но слова эти вызвали у генерала только новый взрывъ хохота, окончившійся новымъ припадомъ кашля. Тогда Бригита схватила его за воротникъ бархатнаго жилета и, тряся его изо всѣхъ силъ, закричала:

— Опять! опять! Да будетъ ли нынче всему этому конецъ?

Старику пора было, повидимому, угомониться; онъ откашлянулся раза два и проговорилъ съ запяквающими видомъ:

— Молодецъ ты у меня баба, Бригитушка, молодецъ какъ есть! Останешься ты мною довольна: твой старый генералъ тебя не обидитъ. На дняхъ же составлю свое завѣщаніе; вотъ тебѣ слово честнаго дворянина, что составлю.

— Слава тебѣ Господи, пора! отвѣчала Бригита; — вѣдь вамъ завтра, сами знаете, семьдесятъ пять лѣтъ исполнится.

— Правда твоя, правда, Бригитушка, завтра мнѣ исполнится семьдесятъ пять лѣтъ. А вѣдь почтенная старость, не такъ ли? „Пошли тебѣ Господи, еще много такихъ дней!“ скажутъ мнѣ завтра мои любезные родичи, а сами будутъ думать про себя: „да скоро ли тебя, стараго хрыча, карачунъ хватить?“ Все ли ты приготовила, Бригита, для приѣма дорогихъ гостей?

— Все, — лаконически отвѣчала Бригита, садясь съ своею рабotoю къ столу, напротивъ генерала.

— Спальни, конечно, были закупорены, какъ слѣдуетъ, чтобы воздухъ былъ въ нихъ затхлый?

Бригита утвердительно кивнула головой.

— Ты позаботилась, чтобы постельное бѣлье было хорошенько пропитано сыростью?

— Еще бы!

— А новаго на этотъ разъ ничего не выдумала? Вѣдь ты, кажись, всегда отличалась находчивостью когда нужно было позлить коихъ дражайшихъ родичей.

— Полковниціе будутъ почевать какъ разъ надъ самой псарней.

— Отлично, отлично! прошипѣлъ генераль. — А воешь либо во всю ночь глазъ не сомкнуть. И какъ это будетъ здорово для нервовъ Зельми. Ну, а еще что?

— Президентскиимъ я отвела подъ спальню зеленую комнату.

— И это превосходно. То-то будутъ бояться отравленія мышьякомъ! Чай съ одного страха переколятся.

Странное зрѣлище представляла эта чета во все продолженіе описаннаго разговора. Съ злобною радостью перемигивались они между собою; густые, сѣдые, какъ лупъ, усы генерала и его бѣлыя брови судорожно подпрыгивали, костлявые пальцы весело барабанили по одѣялу, а въ тактъ имъ позвякивали вязальные спицы Бригиты.

— Такъ какъ же, Артуръ-то пріѣдетъ, что ли, съ семействомъ? спросила она, помолчавъ.

— Ахъ чертъ побори! Совсѣмъ было забыть, воскликнулъ генераль. — Вѣдь Киліанъ принесъ мнѣ недавно письмо. Куда только онъ его положилъ, мерзавецъ! Туда же начинаетъ зазнаваться, провлятое животное! Съ той поры, какъ въ столицѣ на ихъ улицѣ праздникъ насталъ, эта сволочь воображаетъ, что и здѣсь можетъ мнѣ на носъ садиться. Только я поубавлю вамъ прыти, голубчики, поубавлю!

— Вотъ оно, прервала его Бригита, успѣвшая между тѣмъ отыскать письмо. — Мнѣ, что ли, вамъ его прочитать?

— Прочитай, Бригитушка, прочитай; только прежде принеси-ко мнѣ трубку, знаешь старую, пенковую.

Бригита отправилась исполнить это порученіе. Генераль проводилъ ее глазами, и, какъ только захлопнулась за нею дверь, сдѣлалъ презрительную гримасу и, грозясь кулакомъ, проговорилъ: — Всѣ-то вы, какъ я погляжу, дурачье!

Потомъ онъ схватилъ письмо и, держа его отъ себя на почти-

тельною разстояніи, такъ какъ очки свои онъ забылъ въ другой комнатѣ, прочиталъ по складамъ: „Его Превосходительству, фювъ-Гогенштейну въ Рейнфельденъ.“

— Любопытно было бы знать, что онъ мнѣ пишетъ, пробормоталъ генераль, вертя письмо въ рукахъ — Съ него станется, что откажетъ; вотъ досадно-то будетъ! Воображаю себѣ, что за потѣшныя рожи скорчатъ остальные, встрѣтивъ здѣсь любезнаго брата, котораго считаютъ совершенно исключеннымъ изъ наслѣдства. Предосадно будетъ, если не удастся. Гдѣ же, однако, запропастилась эта чортова баба... а! вернулась. Бригитуска! подай-ко мнѣ сюда трубку!.. ладно! Ну, а теперь читай; послушаю, что-то пишетъ повѣса.

Бригита распечатала письмо и начала читать однозвучнымъ голосомъ, запинаясь тоже на каждомъ словѣ.

„Дражайшій, глубокоуважаемый дядюшка!“

— Ну да, конечно, презрительно усмѣхнулся генераль.

„Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою и моей бѣдной жены радость по случаю вашего, да будетъ мнѣ позволено сказать, неожиданнаго приглашенія, которымъ вы соблагородили почтить насъ въ столь милостивыхъ выраженіяхъ. Человѣку, мало избалованному жизнью, дорого каждое выраженіе участія; когда же оно является со стороны столь многоуважаемаго родственника“...

— Чувствительно благодаренъ, проговорилъ генераль, пуская густой клубъ дыму.

„оно получаетъ двойную цѣнность. Въ особенности же лестно для меня то, что вы изволили вызвать меня именно къ завтрашнему дню, который искони собиралъ всѣхъ членовъ нашего семейства подъ вашу гостепріимную кровлю“...

— Хи, хи, хи, засмѣялся генераль.

„и который въ былыя времена и я постоянно проводилъ въ столь любезномъ моему сердцу Рейнфельденѣ, пока обстоятельства, къ величайшему моему прискорбію, не разлучили меня съ моими родственниками!“

— Проклятые лицеѣры, пробормоталъ генераль.

„Но пришло время кончиться этому отчужденію. Когда почтенный глава семейства на моей сторонѣ, другіе члены семейства не посмѣютъ отказаться принять меня въ свою среду. Еще разъ, дра-

жайшій дядюшка, примите отъ меня, я хочу сказать отъ насъ, глубочайшее спасибо. Отъ всего сердца желаю, чтобы завтрашній день засталъ васъ въ тѣлесномъ и душевномъ здравіи, чтобы...“

— И прочая, и прочая, перебилъ генераль. — Довольно Бригита; остальную чепуху можешь и не читать.

— Тутъ есть еще какая-то приписка, замѣтила Бригита. — „Съ вашего позволенія мы приѣдемъ завтра послѣ обѣда, такъ какъ моя бѣдная жена не выноситъ рѣзкаго, утренняго воздуха, да и сынъ нашъ, Вольфгангъ, которому я сегодня же успѣшнѣе сообщитъ радостное извѣстіе, прибудетъ не ранѣе, какъ завтра утромъ изъ университета, чтобы вмѣстѣ съ нами отправиться засвидѣтельствовать свое почтеніе благодѣтелю, дѣдушкѣ, въ первый, но, надѣмся, не въ послѣдній разъ“.

— Вотъ какъ! воскликнулъ генераль. — Мальчишугу-то я и не думалъ звать; ну, да ладно! это мнѣ на руку.

И генераль снова задался хохотомъ. Экономка, между тѣмъ, сидѣла молча и вязала. Все плотнѣе и плотнѣе сжимались ея тонкія губы и все дѣятельнѣе ходили въ рукахъ ея вязальныя спицы съ какимъ-то зловѣщимъ позвякиваньемъ.

— А не дѣло вы затѣваете, выписывая къ себѣ этого штатрата съ семьей, заговорила она вдругъ.

— Почему же, Бригитушка, не дѣло? Вѣдь тѣхъ это непременно взбѣсятъ, а мнѣ только это и нужно.

— На что вамъ еще эта орава? Мало къ вамъ что-ли и безъ нихъ лѣзетъ всякихъ попрошайекъ? А отъ этихъ вы такъ дешево не отдѣляетесь. Долги-то у нихъ у всѣхъ есть, только про тѣхъ никто этого не знаетъ, кромѣ кредиторовъ, а про Артура цѣлому свѣту извѣстно, что онъ въ долгу, какъ въ шелку. Ужь если вы имъ позволите сюда ѣздить, то вы должны будете что нибудь для нихъ сдѣлать. Только я вамъ напередъ говорю: не хочу я, чтобы они сюда таскались; съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, нога ихъ еще не переступала чрезъ порогъ замка; только сунься они сюда, ужъ я имъ славный пріемъ приготовлю; небось, въ другой разъ не приѣдутъ.

— Ну вѣтъ, этого ты не сдѣлаешь, проговорилъ генераль отрывисто и рѣзко.

Бригита подняла глаза и взгляды ихъ встрѣтились. Мудрено

было бы рѣшить, чей взглядъ выражалъ болѣе злобы въ эту минуту. Нѣсколько времени смотрѣли они другъ на друга молча, подобно двумъ звѣрямъ, запертымъ въ одну клѣтку; первая опустила глаза Бригита.

— Дѣлайте какъ знаете, проговорила она.

— Это само собою разумѣется, отвѣчала старикъ. — А ты потрудишься приготовить для Артура и его семейства приличную комнату, именно, красную комнату, которая выходитъ въ садъ; и чтобъ у нихъ ни въ чемъ не было недостатка, слышишь-ли? А теперь, дурочка, будетъ тебѣ дуться. Подойди-ко сюда, да поцѣлуй своего стараго генерала. Ну, живо же!

— Ужь не позвать ли мнѣ лучше для этого Марью кухарку? отвѣчала Бригита обиженнымъ тономъ.

— Ишь ты старая вѣдьма! опять ревновать вздумала! Говорятъ тебѣ, подойди сюда, не то...

Экономка поднялась съ своего мѣста и подошла къ старику, который обхватилъ своими длинными костлявыми руками ея, далеко уже не стройную, талию, привлекая ее къ себѣ на колѣни и прижался щетинистою бородою къ ея тонкимъ губамъ.

Въ эту минуту въ отворенную балконную дверь вошелъ странный посѣтитель. То былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, хотя по гладко выбритому и дѣтски наивному лицу казался гораздо моложе. На плотно выстриженной головѣ его, съ далеко расхлывшимися ушами, была надвинута по самымъ уши старая, суконная фуражка съ огромнымъ, расколотымъ кожанымъ козырькомъ. Тощая, верхняя часть его туловища была прикрыта лоснившимся фракомъ, сомнительнаго цвѣта, съ остроконечными фалдами; и одна изъ этихъ фалдъ какъ-то очутилась въ карманѣ полинялыхъ, нанковыхъ штановъ, будучи, вѣроятно, засунута туда по ошибкѣ своимъ владѣльцемъ, привявшимъ ее за носовой платокъ. На ногахъ у него были неуклюжіе сапоги, которые, если только величина ногъ этого субъекта соответствовала его маленькимъ и тонкимъ рукамъ, были для него слишкомъ велики, что и объясняло его медленную походку и шарканье на ходу. Въ рукахъ у него былъ большой горшокъ, которой онъ крѣпко держалъ обѣими руками, а, вмѣсто крышки, на горшкѣ лежала открытая книга. Незнакомецъ, какъ видно, до того погрузился въ чтеніе этой книги, что и не замѣтилъ, какъ вмѣсто

кухни, куда онъ шелъ себѣ за обѣдомъ, вопель въ балконную дверь и очутился въ залѣ, куда онъ сознательно ни за какія деньги не желалъ бы войти.

Онъ успѣлъ такимъ образомъ пройти нѣсколько шаговъ, прежде чѣмъ влюбленная чета замѣтила его присутствіе. Испуганная Бригита посиѣшила вырваться изъ объятій своего возлюбеннаго, и тутъ только школьный учитель поднялъ свои большіе, темно-голубые глаза, въ которыхъ какъ будто еще отражался кроткій свѣтъ Жванъ-Позевской идилліи, только-что прочитанной имъ. Зрѣлище, оторывшееся передъ его глазами, такъ мало имѣло общаго съ тѣмъ міромъ фантазій, въ которомъ виталъ его духъ, что онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, дѣйствительность ли это или неприятная игра воображенія? Только грубый голосъ генерала заставилъ его придти въ себя.

— Эй, ты, голова съ мозгомъ! Никакъ ты и совсѣмъ ужъ съ ума спятилъ? окликнулъ его генералъ. Школьный учитель вздрогнулъ; но еще сильнѣе вздрогнулъ онъ, когда горшковъ про который онъ совсѣмъ было забылъ, хватался за фуражку, упалъ на паркетный полъ и разбился въ дребезги. Торопливо нагнулся онъ, чтобы освидѣтельствовать новое несчастье своими близорукими глазами и, желая скрыть свое смущеніе, принялся подбирать съ полу черенки и листки своей любимой книги.

— Ха, ха, ха! загототалъ генералъ. — Ванюшка-дурачекъ совсѣмъ съ ума спятилъ; не уиѣтъ отличить колокольню отъ зубочистки. Помогите же вашему милому супругу, госпожа Бригита! Покажите себя, госпожа Бригита, доброю женою! Ха, ха, ха!

Увеселительное зрѣлище чужой бѣды до того живительно подействовало на генерала, что онъ самъ, безъ посторонней помощи, поднялся съ своего кресла и, потѣшившись нѣсколько минутъ надъ смущеніемъ школьнаго учителя и злобою Бригиты, удалился во внутренніе покои, шаркая своими войлочными сапогами.

Удаленіе его заставило школьнаго учителя еще болѣе поторопиться своими уходомъ. Изъ всѣхъ критическихъ положеній, ни одно такъ не пугало его какъ tête-à-tête съ той женщиной, которая въ эту минуту стояла передъ нимъ, упершись руками въ бока, и злобно сверкая на него глазами. Но, противъ его ожиданія, дѣло обошлось на этотъ разъ безъ обычнаго потока ругательства. Пре-

зрѣніе, которое внушилъ экономякъ несчастный человѣкъ, когда-то давшій ей свое честное имя, пересилило на этотъ разъ самый гнѣвъ ея.

— Ты кстати попался мнѣ нынче на глаза, проговорила она. — Завтра къ намъ будутъ гости, и я не хочу, чтобы ты совался сюда съ своей дурацкой рожей; а то, пожалуй, какъ прошлый разъ, я буду поставлена въ самое неловкое положеніе. Сиди себѣ дома, я буду присылать тебѣ обѣдъ въ деревню. А теперь, убирайся-ко съ Богомъ. Что ты уставлялъ на меня свои дурацкіе буркуды?

Вальтазаръ хотѣлъ было спросить: за что же сегодня ему оставаться безъ обѣда? но побоялся; дѣло въ томъ, что съ утра онъ былъ весь погруженъ въ свою книгу, ему было не до пищи и не до питья; только подъ вечеръ, побуждаемый смутнымъ сознаниемъ, что ему хочется ѣсть, рѣшился онъ оставить свою келью. Недавнее ощущеніе страха только усилило его апетитъ, но у него не достало духу высказать свое желаніе. Подобрать послѣдніе черепки и сунувъ книгу себѣ подъ мышку, онъ вышелъ, бормоча какія-то безсвязныя слова, въ ту же самую дверь, въ которую вошелъ.

Бригита слѣдила за нимъ въ открытое окно. Она очень хорошо знала, что бѣднякъ въ эту ночь ляжетъ спать съ пустымъ желудкомъ, но ей почему-то не пришло въ голову крикнуть ему, чтобы онъ воротился и спросилъ себѣ на кухнѣ чего нибудь поѣсть.

— Эхъ, кабы вы съ старикомъ поколѣли, проговорила она. — Я бы готова была имъ мышьяку подсыпать, кабы изъ этого толкъ вышелъ. Старикъ день ото дня становится злѣе и скупѣе. Съ нимъ станется, что онъ все свое пятниѣе откажетъ пасторушъ. Ну, да попробуй онъ только ударить такую штуку. Напрасно онъ думаетъ, что если Ансельмъ въ могилѣ, такъ и всѣ концы схоронены въ воду. И что это ему вздумалось зазывать къ себѣ этихъ лизоблюдовъ, которыхъ двадцать лѣтъ не пускалъ къ себѣ на глаза? Вонъ письмо еще тутъ валяется.

И Бригита, присѣвъ на низенькую скамейку генерала, принялась снова съ зловѣщимъ вниманіемъ перечитывать письмо, вдумываясь въ каждое выраженіе и соображая возможныя послѣдствія этого свиданія между генераломъ и его третьимъ племянникомъ. При этомъ ея раздумье походило на раздумье паука, который угрюмо и гнѣвно, но въ тоже время осмотрительно и тщательно задѣлываетъ дыру, которую проходящій шалунъ-мальчишка прорвалъ въ его паутинѣ.